

* * *

Жизнь, как камни, раскидала
Нас. Взбодрив судьбу хлыстом,
Твёрдой поступью вандала
Входит память в старый дом.
Без фанфар, без песнопений,
Раздразнив промозглый тлен,
Входит, бродит... Чьи-то тени
Отделяются от стен.
Прорастает память телом:
Камнем высветлив версту,
Батька в платье чёрно-белом
Грудью тянется к кресту..
Прокричав веселью: «Трогай!»,
Ради нас — в расцвете лет
Свыклась мать с фортуной строгой;
Под Берлином сгинул дед...
Скорбь неистовствует. Память
То безмолвствует, то вздрог..
Вздвогнув, пробует подправить
Сволочной оскал дорог.

Жизнь вбивает ногу в стремя,
Грудь рубцует мошकारа...
Ах, как сладко пахло Время
В предвкушении добра!

* * *

Набычив лоб, сойдя с ума,
И умертвив в октавах звуки,
Вновь расторопная зима
Ребенком просится на руки.
Она предчувствует разлад...
Кричит: «Юродивый, покуда
В грехах замешкался Пилат
И от судьбы бежит Иуда —
Твори!» Пытаясь мне помочь,
Деревья вскакивают с места...
Вот только странно в эту ночь
Смерть разодета — как невеста.

* * *

День груб, нервозен, обездвижен.
Сдружились с пылью ордена.
Взрывная терпкость спелых вишен,
Как лоб, к руке пригвождена.
Вгрызаясь в чувственную мякоть
С восторгом бешеным, готов
Конквистадор смеяться, плакать,
Пешком отправиться в Ростов,
В Солнечногорск, в Саратов к тётке,
В прохладный сумрак, в синеву —
Чтоб где-то там без слёз, без водки
Из сердца выскоблить Москву.

* * *

Голос, взгляд, походка, жесты —
Слепок жизненный... В Белграде
Смерть, схватив костюм невесты,
Льнёт к кладбищенской ограде.

Под стеклом расправив спины,
Подвывая: «Все мы смертны»,
Розы, астры, георгины
Снова ждут сакральной жертвы.

Затхлый запах влажной тверди
Мозг взрывает криком: «Горько!»
Моцарт, Бах, Чайковский, Верди
Нагнетают страсти... Только

Оглашенным страх неведом:
Растворившись на погосте,
Будешь скомканным портретом
Приходить к Отчизне в гости.

* * *

Сжав стакан густой отравы,
Расчехлив блудливый глаз,
Вновь сегодня, боже правый,
Я готов пуститься в пляс:
В нервный, громкий, одинокий,
Нужный — как собаке кость.
Приковала к танцам ноги
В сердце вспыхнувшая злость.

* * *

Жизнь как бы невзначай
Заглядывает в стёкла.
И вздорная печаль
Берёт тебя за горло.
Ты — в ужасе. Душа,
Предвидя час разлуки,
Над бездной чуть дыша,
Стихами греет руки...
Растоптан, позабыт,
В предчувствии подвоха
Ты вновь почти навзрыд
О смерти просишь Бога.

ДИАЛОГ СО СМЕРТЬЮ

«Эй, юродивый!» — «О! Безносаля?
Ты пошто стоишь в стужу босая?
Али ждёшь кого? Не меня ли? Ой,
Ты ошиблась, Смерть! Щас черёд не мой!

Что ты ластишься, рвань заборная?
Уж давно не лил водку в горло я.
Не пою, не пью — мясо кушаю,
Да из форточки Бога слушаю».

А за стёклами — копоть, смрад и грязь.
Я кричу, задрав морду кверху: «Слазь!
Погляди — с вином, с песней, с плясками
Твой народ, как встарь, кормят сказками.

Погляди, услышь — как на площади
Люд простой орёт в небо: “Господи!”
Как в церквах с колен на распятия
Смотрят матери, сёстры, братия...»

Сколько горечи в тех глазах больных!
Сколько муки там, сколько веры в них!
И под стоны те с четырёх сторон
В унисон — шальной колокольный звон.

Но, как встарь, на клич в небо — Господи,
Помоги хоть ты жизнь не скомкати! —
Тишина в ответ, копоть, смрад и грязь,
И плевать Ему, что кричу я: «Слазь!»

И с проклятьями, да с молитвами
Спим мы сутками, пьём мы литрами,
Век на привязи ходим, бродим мы...
— Эй, безносаля!..

— Что, юродивый?

* * *

С утра расцвела придорожная ива.
Возможно, чужую предчувствуя боль,
Природа сегодня так красноречива,
Что я над собою теряю контроль.

Забыты тревоги, бег в поисках хлеба;
Надуманный страх безвозвратно исчез.
Мне только бы видеть бездонное небо,
Рассвет и с туманом флиртующий лес.

* * *

Возлюбленная мной, — в момент полураспада,
Жизнь не растормошив признаньем роковым,
К безрадостной судьбе крамольного комбата
Примериваюсь, в грудь впуская терпкий дым.
Раздробленной судьбой зачитываюсь. Скоро,
Потёртость вздорных плеч запрятав в соболя,
Ты под брагурный марш срамного приговора,
Жизнь выскоблив, сбежишь, как крыса с корабля.

* * *

Октябрь. Слякоть. Листопад
Флиртует с ветром. День обвалом
Надежд отмечен... Двое спят,
Укрывшись плотным покрывалом.
Ночная мгла не так страшна
Содружеству... В застенках рая
Жена, как смерть, ему нужна;
Ей нужен муж, как боль зубная.
Так было, есть. Так будет впредь.
Вновь умертвив в октавах звуки,
Она рискует растолстеть,
А он — состариться от скуки.

* * *

Благодарю Тя, Господи!
Господь, благодарю —
Её по Красной площади
Не вёл я к алтарю,

И радостью, обещанной
В начале всех начал,
Ты с этой дерзкой женщиной
Меня не обвенчал.
Благодарю Тя, Отче наш —
В стране грехов и грёз
Всё пройдено, всё кончено
Без крови и без слёз.
Доверившись сну вещему —
Слов попусту не трать...
Пролей на эту женщину
Любовь и благодать!

МОНОЛОГ ХРИСТОФОР КОЛУМБА

Даже крысы к плаванью готовы.
Свежий ветер с парусами груб.
За спиной — «соломенные вдовы»:
«Образумьтесь, Христофор Колумб!»

Соскоблив, размыв помет крысиный,
Век нахрапом заглушает плач, —
«Образумьтесь!» — Нет! Толкает в спины
Нас кошмар житейских неудач.

Только — знаю: поздно или рано —
Недоступен, справедлив и строг —
За труды — ключи от Океана
Возвратит нам всемогущий Бог.

Вот тогда, зализывая раны,
Вспомнив порт, отравленный уют,
По волнам в заснеженные страны
Корабли с добычей поплывут.

Образумьтесь?.. Сразу после мессы,
Злой фортуне заглянув в глаза,
Крикну я: «Вперед, головорезы!»
Ах, как Время вгрызлось в паруса!